

Анатолий Цирульников

Белые журавли на серой земле

Взгляд из России на китайскую деревню

Подобно героям классического китайского романа XVI века «Путешествие на Запад»¹, мы несколько столетий спустя тоже совершили путешествие, но в обратном направлении, на восток. Экспедицию организовал китайский Институт сельского образования Северо-восточного университета. Нам хотелось увидеть не только китайскую сельскую школу, но и ее социокультурное окружение. Поэтому нас интересовали хозяйствование, культура, история, быт, национальные меньшинства, сельские поля и урбанизация, народные мастера и промышленники, нефтяные вышки на рисовых полях и заповедники, серые земли, куда прилетают с Байкала и со всего мира белые журавли, — земли, на которых ничего, вроде, не растет, но которые оказываются источником жизни и процветания.

Мы увидели китайскую глубинку, которая почти незнакома российскому читателю, попытались погрузиться в неизведанную действительность, но все же это взгляд на китайскую деревню из России. Познавая другую культуру, мы с неожиданной стороны узнавали свою.

Цирульников Анатолий Маркович — ученый и писатель, академик Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор. Главный научный сотрудник Федерального института развития образования РАНХиГС. Автор оригинальных трудов по истории школьных реформ, этнокультурным проблемам образования, развитию инноваций, проблемам сельской школы. И страстный путешественник. Много лет его очерки в «ДН» позволяли нашим читателям путешествовать по самым отдаленным уголкам России. Сегодня мы представляем несколько фрагментов его будущей книги о путешествии по китайской глубинке.

Последняя публикация в «ДН» — 2020, № 11.

¹ «Путешествие на Запад» — один из четырех наиболее знаменитых классических романов китайской литературы. На запад, в Индию, за священными буддийскими книгами отправляется из Китая пестрая компания — боязливый монах Сюань Цзан и его волшебные помощники, в числе которых сосланный на землю с неба дебошир, царь обезьян и «великий мудрец, подобный небу» Сунь У Кун, комический получеловек-полусвинья Чжу Ба Цзе и помилованный небесным нефритовым императором белый конь-дракон, который до этого был принцем. История их путешествия, основанная на народных легендах, наполнена авторской фантазией и юмором, и, как положено героическому эпосу, всяческими приключениями, испытаниями и соблазнами, которые герои преодолевают на пути к цели. Повествование из ста глав перемежается чудесными стихами. Впервые опубликовано в 1590 году без указания автора.

Город и пригород

Стрижи носились,
Душу веселя:
Знак, что давно
Засеяны поля.
За кряжем кряж
Теснился и сверкал.
Над кручами шумели
Сосны хором.
Нагорный путь
Змеился между скал,
Как спутанный клубок
Причудливым узором...¹

Отправляясь в Китай, я мало что знал о нем. Он ассоциировался с бумажным фонариком детства. Со старым диафильмом: в коробочку вставлялась лента, глядишь в окуляр — и видишь картинку с драконом и желтой рекой...

Во времена русско-китайской недружбы поступала тревожная информация: хулиганы-хунвэйбины, студенты на площади Тяньаньмэнь. Кадры с острова Даманский: возбужденная толпа, люди, потрясающие красными книжечками с цитатниками Мао...

Потом будто провал во времени.

В двухтысячные годы неподалеку от Университета дружбы народов я увидел переходившего лесок китайского чиновника. Крупный мужчина в хорошем костюме шел уверенно, как по своей земле. Постепенно Китай приходил в Россию. Смутное представление, непонимание, даже раздражение сопровождало меня последние годы, пока я не оказался на китайской земле.

На пересадке в Пекине выпотрошили чемодан не хуже, чем в Израиле. Вытащили — к моему стыду — русскую еду. Я объяснил, что не могу есть китайскую (острую, жирную и соленую, как убеждали в интернете). В ручном багаже обнаружили перочинный ножик. Таможенница, молодая женщина, стала говорить что-то отрывистое по-китайски. Я был виноват, забыл правила перевозки, попытался объяснить, но, чем больше я горячился, тем холодней и злее становились ее глаза: «Дэнжери» — опасно, повторяла она. Потом положила «оружие» в целлофан и собралась конфисковать. Я спросил, вернут ли на обратном пути, она сделала вид, что не понимает. Когда она отвернулась, стоявший с ней рядом парень, другой таможенник, неожиданно бросил несчастный ножичек в мой саквояж и показал кивком, что могу идти. Оказался хороший парень.

Познакомился с наблюдавшим эту сцену товарищем по несчастью (его тоже переворошили). Москвич-компьютерщик из международной фирмы прилетел в Китай для учебы на две недели. Говорил с кем-то по телефону: «Представь, такая страна — а вайфая в аэропорту нет».

Пошли, перекусили в тамошнем кафе, поговорили о стране, кто что слышал. Карточки *visa* здесь, слава богу, действовали, а на бумажных банкнотах был изображен Мао Цзэдун.

И самолет в Чанчунь, где меня ждали, хоть и с задержкой, полетел...

Запах города был какой-то особенный — южный, хлебный, чуть сладковатый. Встретившая меня в аэропорту доброжелательная Сюэцзяо, с которой мы

---

¹ «Путешествие на Запад». Глава 80. (Здесь и далее цитируется в переводе А.Рогачёва по изданию: М., «Гослитиздат», 1959.)

переписывались и пару раз виделись в Москве, сразу повезла меня кормить. В ресторане — уютный маленький зал на четыре столика с диванчиком, — на стенах висели фотографии, на полках стояли книги. Накормила меня «сяоми хао» — маленьким рисом, «сань бэй цзи» — курицей в сладком соусе и «шунсе» — сырыми овощами. Очень вкусно, сразу стало ясно, что русскую еду из чемодана надо куда-то сбавить.

Сюэцзяо пишет диссертацию по сельской школе и говорит, что многие родители уезжают на заработки в город, а дети остаются с бабушками и дедушками. «Бабушкина деревня?» — спрашиваю я (это явление нам знакомо, так теперь в России называют деревню без родителей). Сюэцзяо согласно кивает.

Меня поселяют в Гранд-отеле с белой мраморной лестницей, черным роялем и пальмами, поднимающимися до второго этажа, и желают хорошего отдыха.

На следующий день меня сопровождали уже три девушки-магистрантки Северо-Восточного университета. Свои имена они написали иероглифами в моей толстой тетрадке: Инь Сюэцзяо (первое слово — фамилия, второе имя), Чжан Шиди и Ли Яцзюнь из провинции Харбин. Одна девушка представилась по-русски Леной. Другая — Наташей. Почему-то так в Китае называют многих. Хотя, если перевести на русский дословно, их имена звучат гораздо красивей. Например, Сюэцзяо — снег, красота; «красивая, как снег», высказал предположение я. Сюэцзяо радостно закивала. Таким же образом я установил, что «ши ди» — это «первозданный мир», а «я цзюнь» — «интеллигентный цветок», что в общем соответствовало облику моих спутниц. Через такую лингвистику я начал осваивать азы китайского. «Ни хао» — добрый день, здравствуй. «Цзай цзянь» — до свидания, еще увидимся. «Во доу дун» — этим выражением я пугал китайских коллег. Сидят люди за столом, разговаривают, вдруг я со своим «во доу дун» («я все понимаю, что вы говорите»). Народ, естественно, вздрагивает. Потом, сообразив, смеется.

Еще в нашей компании — жаль ненадолго — оказалась магистрантка-переводчица Юля. Она русская. Из Иркутской области, со станции Зима. Закончила в Иркутске лингвистический институт и шестой год учится тут, в магистратуре по сравнительной педагогике. По-китайски говорит совершенно свободно. «А потом что делать думаете?» — «Когда-нибудь докторскую... Уезжать не думаю, потому что выхожу здесь замуж».

Станция Зима отсюда недалеко — полтора часа на поезде до Харбина и два на самолете до Иркутска. Евтушенковский городок вымирает. Заводы закрылись, папа Юли, чтобы кормить семью, работает на железной дороге. Мама — учит детей в школе. А Юля — в Чанчуне, что означает «длинная весна». «Из зимы в вечную весну?» — говорю я Юле. Мы смеемся. Впрочем, замечает она, весны тут не бывает — сразу лето.

Из Зимы в Лето. Домой в Сибирь Юля ездит часто, так что река забвения Лета ей не грозит.

Новая деревня

В отдельном кабинете рестораника, где мы обедаем, на стене висит картинка времен культурной революции. Грамота с портретом вождя. «Почетную грамоту товарищу Ли Куитуй дали за то, — переводят мне, — что он как образец социалистического работника поздно женился и поздно родил ребенка. Все время работал на строительство социализма».

Подписано: «Совет Новой деревни».

Так называется и рестораник, где назначил нам встречу директор института сельского образования.

В институте готовят студентов к сельской жизни. Они к ней не готовы. «У нас тоже», — радостно сообщаю я (нашел наконец общую тему для разговора). Рассказываю, как одна наша выпускница педвуза мучается с печкой. Сюэцзяо и другие девушки-

магистрантки не удивлены. У них в селах тоже печки, даже кровати с печками. Потом увижу: каменная кровать, внизу прямоугольное отверстие, через него поднимается тепло из топящейся дровами печки под кроватью. Каменная лежанка — широкая, на ней умещается человек пять-семь.

Тут к нам присоединяются директор института У Чжихуэй с заместительницей. Она в черных джинсах и темных очках, а директор в строгом костюме со значком на лацкане пиджака в честь семидесятилетия Китайской народной республики. Веселый, бодрый, стриженный «под ежик» директор очень симпатичный.

Усаживаемся за вращающийся столик с китайскими закусками. «Хаочи, — говорю, — вкусно».

В «Новой деревне» — глиняная ограда с гроздьями перца, чеснока, початками кукурузы. В предбаннике рестораника сидят мужчины, играют в маджонг. Пьем перед едой белый сладковатый сок сои. Я показываю на стену с грамотой товарища Ли за то, что он поздно женился и строил социализм. А как сейчас в Китае?

Директор поясняет: революция в России шла в городах, а в Китае ее передвинули в деревню. Раскулачивать не стали, и это позволило провести кооперирование сельского хозяйства, сохранив рычаги роста — наиболее рачительных хозяев. Без принудительной экспроприации были проведены преобразования частной промышленности и торговли. Поставить на благо народа не только капитал, который у предпринимателя в кармане, но и тот, что у него в голове, — такова была цель создания государственно-частных предприятий. Бывшего владельца оставляли генеральным директором, лишь приставив к нему комиссара в лице секретаря парткома. Хуацяо, «заморские китайцы», были желанными гостями, в отличие от белоэмигрантов у нас. Детей кулаков и буржуев принимали в комсомол, брали в военные училища. И это лишало их родителей стимулов к сопротивлению победившей революции.

Впрочем, то, чего, в отличие от России, в КНР не делали в первые годы, наверстали потом, за десятилетие культурной революции. В общем, сначала было плохо, потом ситуация стала улучшаться. Начала развиваться промышленность. «Китай окреп маленько», — перевела Юлия Ипатенкова слова директора.

Крестьяне сдавали овощи и фрукты государству по низким ценам. В деревню приезжали люди из города, помогали налаживать хозяйство. Это длилось семнадцать лет, потом десять лет культурной революции, в целом — три десятилетия. Сейчас об этом мало кто помнит.

После культурной революции до конца 70-х известно что было. Земля оставалась народной, и большую часть урожая крестьяне отдавали государству. Не было стимула работать. И вот в одной маленькой деревушке произошел такой случай: урожай разделили на части и сказали — можно себе оставить. Это было нарушением закона, но администрация решилась. А потом... а потом начались знаменитые экономические реформы Дэн Сяопина. Начались с двух вещей, которые у нас до сих пор на периферии общественного сознания, — с деревни и образования.

«Сейчас много китайцев, — замечает У Чжихуэй, — ездят учиться по миру, и это начинает становиться частью нашего образования. Постепенно», — добавляет он.

У китайцев поговорка: переходя реку, нащупывай камни.

Ши-ши-ши. Дуй-дуй-дуй

Вечером смотрел китайское телевидение: никаких бандитов и следов. Главным образом — спорт: велосипедные гонки, бадминтон, захватывающие волейбольные матчи. Соревнования на длинных лодках, как у нас на гребном канале когда-то.

На первом канале в связи с семидесятилетием образования КНР шел историко-художественный фильм. Молодого Мао Цзэдуна играл красивый актер. Когда на экране появлялись гоминдановцы, музыка звучала тревожная, как в старых советских

фильмах про шпионов. Китайский командир отдавал приказ, солдат салютовал, отрывисто кричал: «Ши!» и бежал исполнять. Можно было догадаться, что «ши!» означает «есть!», «да!». Хотя, с другой стороны, китайцы в разговоре за столом кивали: «Дуй-дуй-дуй» — и это тоже означало согласие. Я поинтересовался, какое «да» правильной. Оказалось, и то, и это. Ши — просто «да», без рассуждений. А дуй-дуй-дуй — «да-да-да», я с вами абсолютно согласен, но... Восточные тонкости.

Первый канал начинал программу с документальной заставки. Никакого нервного крика, озлобления на всех и вся, зазнайства. Старые кадры перемежались с новыми, и было видно, как растет и развивается страна вместе с ученым-исследователем в современной лаборатории, крестьянином в поле, учителем в школе... Сменялись пейзажи — равнины, горы, морские просторы сопровождала спокойная и воодушевляющая музыка. И, ничего не понимая по-китайски, я вдруг понял, что это очень современная страна. Не оглядывающаяся без конца на прошлое, а устремленная в будущее. И идущая к нему спокойно, уверенно, с большим достоинством, неумолимо становящаяся первой в мире не по валовому доходу, а по чему-то большему.

В горных деревнях не так плохо

Северо-восточный педагогический университет — одно из пяти высших учебных заведений Чанчуня. По китайским меркам, это небольшой город, семь миллионов жителей (средний по размерам китайский город — 14—15 миллионов., в Пекине и Шанхае — более 20). При этом в Чанчуне не чувствуешь, что все топчутся друг у друга на голове. Просторные, прямые, широкие улицы, в воскресенье в метро пусто, в понедельник вагоны заполнены, но не как у нас в часы пик. Машины на улицах едут медленно, пробки все же существуют.

Университет занимает огромную территорию, целый квартал. Каждый факультетский кампус имеет библиотеку, торговый центр, ресторан.

В Нормальном Северо-Восточном, когда-то называвшемся педагогическим, — 40 тысяч студентов, у каждого факультета свое здание. Несколько столовых самообслуживания, пруд с китайскими мостиками-беседками — можно даже ловить рыбу, спортивный комплекс, теннисные корты, волейбольные площадки. Добавьте многоэтажный отель-общежитие с отдельными корпусами для девушек и юношей. Правда, номера с туалетом и душем — только для иностранных студентов, свои, рассказали мне китайские магистранты, размещаются по шесть человек в комнате, после десяти вечера отключают свет, а феном пользоваться вообще не разрешается (студенты ходят в «помывочную» — нечто вроде общественной бани).

С другой стороны, при университете имеется детский сад со скидками для детей преподавателей (в Китае все сады платные, как и средняя и старшая школа). Плата в государственном университете составляет примерно пять тысяч юаней (около 50 тысяч рублей в год; по сравнению с платным образованием в России — ничто). В частном университете дороже, и там образование ниже уровнем (как правило, у нас тоже).

При приеме на работу в Китае (как и в России в последние годы) учитывают, какой ты закончил университет: если, например, бакалавриат в хорошем вузе, а магистратура в не очень хорошем, могут сказать до свидания.

Сходство нашего и китайского образования обнаруживается и в школе. По результатам китайского ЕГЭ видно: качество образования в селе ниже, чем в городе. Существует и так называемая «рыночная педагогика»: отношение к ребенку в зависимости от социального статуса семьи — кто твои папа-мама.

Не сказать, что для нас это новости. Хотя когда-то советской школе это было несвойственно. В моем классе в конце 50-х — начале 60-х годов учились внук председателя совета министров Алексея Косыгина и сын дворничихи из подвала. И ничего, мутузили друг друга, гоняли в футбол, получали от учительницы

по заслугам — не было особой сегрегации (впрочем, у дворничихи вырос дворник, а у председателя совета министров — академик).

Моя лекция в китайском университете в целом прошла удачно. При изложении теории китайские студенты начали позевывать точно так же, как зевали бы и наши, — и я поспешил перейти к практике. Показал впечатляющие картины Арктики, педагогическую экспедицию вдоль Северного Ледовитого океана при минус 65°, и как с помощью образования можно улучшить жизнь в экстремальных условиях. Из чего китайские студенты сделали вывод, что у них в горных деревнях не так плохо.

Я ученик. Вы — Учитель

В ресторане праздничного красного цвета (красный — любимый в Китае цвет) — люстры-фонарики и юмористические картины со старинными героями.

Обед (пельмешки-«цзяоцзи» с речными креветками, овощами и приправами) делят со мной два магистранта и два университетских преподавателя. Молодой профессор занимается политикой образования, а его коллега — развитием сельской школы. Две вещи в России несовместны, даже за одним столом. А в Китае совмещаются.

Профессора и студенты в демократических взаимоотношениях. Общаются с интересом и на равных, что не исключает почтительного отношения студента к учителю. Забегая вперед: в нашей экспедиции по сельской местности я никак не мог привыкнуть к тому, что молодой магистрант нес мой саквояж, а молодая женщина-докторант открывала передо мной дверь. И сколько я ни пытался проявить галантность — нести свою ношу сам и пропускать даму вперед — мои спутники не соглашались. «Но почему?» — возопил я. «Это Китай, профессор, — пояснили мне. — Вы Учитель. Я ученик».

Принцессы в пионерских галстуках

Типичные темно-коричневые, нависающие над землей сорокаэтажные дома. За ними — деревня. Город разросся. «Через пару лет не нужна будет здесь школа, все уезжают в город, — сетует симпатичная женщина с туго заплетенной косой, директор школы Лю Тянь. — Раньше говорили: где родился, там и пригодился. Сейчас — нет. Но в хорошую школу в городе трудно поступить, и жилье стоит очень дорого».

Она три года работает директором этой пригородной школы. Прежде преподавала математику в городской. По китайскому законодательству больше определенного числа лет на одном месте работать нельзя — мера против коррупции.

Перед воротами школы на доске объявлений список учителей: фамилия, имя, должность, телефон. Если детям или родителям что-то не понравилось, можно позвонить, пожаловаться, пояснили мне.

Есть и список учителей, состоящих в компартии.

Директор и преподаватели ездят в семьи, наблюдают за домашней обстановкой ребенка и дают советы. Идея школы — сотрудничество детей, учителей и родителей. На фотографии — рукопожатие, называется: «Стратегия пожимания рук».

Это начальная школа — шестилетняя. С большим стадионом, садом и огородом, где дети выращивают овощи и фрукты. Во дворе устройство наподобие циферблата со стрелкой — сельскохозяйственный календарь. Год делится на месяцы, месяц на периоды: «маленькие холода», «большие холода»...

Я переписал с циферблата: весной — «период дождей», «период, когда просыпаются насекомые», «праздник Цинмин, когда появляются ростки, а потом расцветают цветы».

Здесь учатся сто двадцать семь детей, начиная с шестилеток. За хорошую учебу и поведение детям выдают монетки, на них на ярмарке можно купить выращенные плоды.

Пообщался с группой девочек в пионерских галстуках. Все из третьего класса: Хэн Син, Сю По, Лию Цисюань, Хань Юсин... «Какой у вас любимый предмет?» — «пианино», «английский», «математика»... «А сестренки, братья есть?»

В семье, как правило, двое детей, но у этой вот девочки — четверо братьев и сестер. Политика «Одной семье — один ребенок!» ушла в прошлое. Приостановка темпов роста более чем миллиардного китайского населения, которое уже не могла прокормить деревня, сопровождалось жесткими, порой жестокими мерами. И не только социально-экономическими (работников государственных предприятий и учреждений, заводивших детей сверх допустимого лимита, могли уволить с работы, исключить из партии, лишить права на бесплатное образование и лечение). Как пишет долго проработавший в Китае известный советский журналист-востоковед Всеволод Овчинников, возможность рождения второго ребенка сопровождалась в то время письменным согласием отца на последующую стерилизацию. Это кажется средневековым. Но снижение естественного роста населения спасло Китай от массового голода и дало запас времени, чтобы поднять уровень сельского хозяйства и дать толчок социально-экономическому развитию страны. Однако эхо той политики аукнулось в настоящем — нарушилось соотношение мальчиков и девочек, появилась «проблема невест».

На прощанье протягиваю блокнотики с картинками на обложках. «Берите, кому какой нравится». Все выбирают с принцессой. Все девочки на свете, даже в красных галстуках, хотят быть принцессами.

Уроки китайского

Одноэтажное, похожее на ферму здание школы. «Встречаем вас с улыбкой» — написано перед входом. Под козырьком место, где оставляют зонтики и игрушки, — заберут после уроков.

В классе девочки и мальчики в черно-белых накидках и треугольных шляпах, похожие на студентов университета. Идет урок чайной церемонии. «На старые столы постелили сверху красивые скатерти, получается красиво», — говорит директор.

Три ряда, по одному ученику за столом. Тихая музыка располагает к спокойствию. Учитель показывает последовательность действий, ученик повторяет. Когда церемония заканчивается, класс читает вслух стихотворение. «Некоторые дети, — говорит мне директор, — носятся по коридору, а после чайной церемонии становятся спокойными».

В первом классе уселись за столиками в кружок, рисуют. Папу — он перевозит людей. Маму — она продавец в магазине. Учительница объясняет: многие родители работают в городе — на заводе, на стройке. Раньше были крестьянами, но с земли маленькие доходы.

Учительская — как офис, у каждого педагога рабочий компьютер. Но в школьном коридоре на подоконниках растут грибы разного сорта.

Третьеклассники вяжут из разноцветных шнурков китайские узлы и протягивают мне в подарок. В пятом классе учатся аккуратно раскладывать вещи в шкафчике. И складывать в чемоданы. Кто быстрее, на скорость.

Какие русские книги популярны в Китае у молодежи? «Как закалялась сталь» Островского. И, не поверите, Сухомлинский «Сердце отдаю детям»...

В маленькой школе денег, конечно, не хватает. Недостаточно субсидируют маленькие школы (поэтому-то «старые столы и накрыли красивыми скатертями»). Чтобы сэкономить деньги, директор приглашает своих знакомых — провести бесплатно урок, помочь детям. У нее всегда была мечта сделать школу нужной. Пусть она будет маленькой, неизвестная, но добрая, душевная. Каждый день Лю Тянь приезжает сюда на машине из города, и учителей привозит, а после уроков развозит.

«Разница чувствуется — тут и в городе?» — интересуюсь у директора. Конечно,

отвечает она. Когда сюда работать приехала, стала болеть — психосоматика другая. Потом немного привыкла. «Но к туалету на улице до сих пор не могу привыкнуть».

Маленькая сельская школа под боком у наступающего со всех сторон города. Можно сказать, она уже в городе. Уникальная ситуация или?..

«Тенденция», — считает молодой преподаватель университета Ли Тао. Очень большой темп развития городов. Они расширяются, с каждым годом все быстрее. Собственность на землю в городах государственная, а в селе коллективная. Земля принадлежит совету крестьян, каждому крестьянину выдается кусочек земли в аренду на тридцать лет. Но форма собственности постепенно меняется — земля передается государству, и оно распределяет ее по своему усмотрению.

Получается, что школа, а с ней и деревня, все-таки беззащитны? — пытаюсь я понять современную китайскую ситуацию. Отечественная-то понятна: за последние пятнадцать-двадцать лет «оптимизации» в России было закрыто около двадцати тысяч маленьких сельских школ, и это стало одной из главных причин того, почему с карты страны исчезло 20 тысяч деревень.

У нас, объясняют мне, более 900 тысяч школ, в которых учится менее ста учеников. В половине из них — меньше пятидесяти. Сохраняются десятки тысяч (!) — я потом эти цифры перепроверял — сельских школ, в которых учится менее 5 учеников. А в 8000 школ — в особенности в центральном и западном Китае, в горных местностях и на островах — сохраняется обучение с одним учеником. Член нашей экспедиции Ли Палин говорит, что лично знает школу, в которой одиннадцать учителей и один ученик. И школу не закрывают? Невозможно закрыть. В Китае существует закон, согласно которому, если есть хотя бы один ученик, школа не может быть закрыта!

А почему? «Такая политика, — объясняет Ли Тао. — Раньше, как у вас сейчас, количество денег, выделяемых школе, зависело от количества учеников. А сейчас любой, самой маленькой школе выдают столько же денег, сколько той, в которой учится 100 учеников. Восемьдесят процентов дает правительство, двадцать — провинция. Поэтому у провинции нет причин закрывать школу. И у государства тоже...»

Нам понять это трудно. Зачем они это делают? Не только из гуманистических соображений. В Китае хорошо помнят, что именно село, маленькие производства, цеха, ремесла, возникавшие в сельской местности в начале 80-х годов в семьях и на базе образовательных учреждений, стали источником процветания страны. И сегодня, при стремительной урбанизации, разнице в качестве жизни и уровне образования между городом и селом, порождающей все более острые социальные проблемы, правительство Китая вновь усиливает внимание к селу, сорок лет назад ставшему двигателем экономических реформ.

Поэтому в Китае сохраняются и развиваются деревни, и мы, сидя в кабинете директора школы, наслаждаемся большущими, почти с перепелиное яйцо виноградинами, выращенными на этой земле.

Ужинаем на воздухе, у пруда с рыбками. Мои спутники пьют китайское пиво, а я, увы, теплое соевое молоко (пиво врачи не позволяют). Весело чокаемся — «Ганьбэй!».

Фирменное блюдо этого заведения — китайский гусь, ничем не уступает пекинской утке. Вдруг поднялся ветер и начался ливень — юй! Пузыри на пруду. Чудо-юй! Ливень, гром!

Мои китайские спутники говорят: когда идет дождь — люди пьют (в смысле, выпивают). «У нас и без дождя тоже пьют», — замечаю я.

Юля-переводчица со станции Зима посвятила в китайские традиции. Оказывается, если молодые женятся, родители мужа покупают им квартиру, а родители жены, допустим, машину. Но если одна из семей финансово несостоятельна, родители не

дадут согласия на брак. «А любовь?» — «Богатство выше любви», — прагматично замечает Юля.

...Погода изменилась.
В вечерней темноте ветер поднимает листья.
Пришла осень.

Это вот, сам не знаю что, — сочинилось под дождь.

Федерализм с китайской спецификой

Наша экспедиция отбывает в уезд Цзиньлин провинции Цзилинь.

Для понимания китайского административно-территориального устройства — информация из энциклопедии: в составе КНР 34 провинции (а также города центрального подчинения и специальные районы). Теоретически они жестко подчиняются центральному правительству, но на практике обладают широкими полномочиями в экономической сфере. Такую систему называют «федерализмом с китайской спецификой» (по аналогии с социализмом той же специфики). За исключением северо-восточных провинций (по которым мы путешествуем), границы большинства провинций Китая определены во времена династий Юань, Мин и Цин и с того времени остаются практически неизменными. Этим китайское административное деление отличается от советского и российского, которое, если посмотреть с исторической дистанции, находилось в состоянии перманентной перекройки, переименовывалось, дарилось и захватывалось соответственно национальному характеру и психотипу русских царей, генсеков и президентов.

«Китайская специфика» заключалась в том, чтобы по возможности (не всегда получалось) сохранять стабильность. Это не равнозначно застою и отсутствию административного разнообразия. И сегодня в Китае существуют округа, уезды, аймаки, хошуны, сомоны, лесные и особые районы, национальные волости, административные и естественные деревни (неофициально) и прочая.

Уезды, в один из которых мы отправляемся, существуют с периода *Сражающихся царств*, то есть намного раньше других административных единиц Китая. Когда Цинь Шихуанди впервые объединил и унифицировал страну, было около 1000 уездов, сейчас их наполовину меньше.

В императорском Китае уезд был важной единицей, поскольку являлся низшим уровнем административно-бюрократической системы (управление на еще более низких уровнях было неформальным и выходило за ее рамки). Семьдесят лет назад правительство КНР упразднило половину уровней, оставив три (правда, сейчас их опять пять).

Я это к тому, что у нас с точки зрения бюрократических преобразований есть различия, но все же немало и общего.

Позавтракав в забегаловке — теплое соевое молоко и пирожки из пшеничной муки, а также большой пельмень и соленые древесные грибы — и купив билеты на чанчуньском вокзале, необычайно просторном и светлом, без толкотни, с многочисленными удобствами, включая массажные кресла для пассажиров (10 минут массажа — 5 юаней, плата по смартфону, не сходя с места), мы сели в медленный поезд до маленького (по китайским меркам) городка Байчэн — промежуточного пункта нашей экспедиции.

Представим участников, некоторые нам уже знакомы. Опекающая меня, всегда улыбающаяся докторант Инь Сюэцзяо; говорящая немножко по-русски и мечтающая уехать в Россию к своему парню магистр Ли Яцзюнь; еще один магистр — вежливый, воспитанный молодой человек по имени Ма Юян, или (так он предложил себя называть) просто Майкл; и наконец, замдиректора института Ли Палин. Во время

одного из полуофициальных ужинов представлявший Ли Палин директор заметил, что она в должности зама пережила пять директоров. «Как Сяопин!» — воскликнул прекрасно владевший китайским американский профессор из Стэнфорда. Все засмеялись. У Ли Палин запоминающаяся внешность: женщина-подросток с загадочным обликом, в черных джинсах и темных очках.

Итак, мы сели в поезд — зеленый, напоминающий наши старые электрички, только с туалетом, — и медленно поехали. Этот медленный поезд (не подумайте, что в Китае нет скоростных) ходит в уезд раз в день. Дорога занимает четыре часа, и из окна можно увидеть весь северо-восточный Китай. И спокойно поговорить, не торопясь, как лет пятьдесят назад, когда в Китае ходили только такие электрички. Поглядывая в окно, в котором проплывают станции и полустанки, защитные полосы, кукурузные посадки, рисовые поля с маленькими нефтяными вышками и редкие облака в синем небе с птичьей стаей, мы с моим другом и спутницей Сюэцзяо разговариваем о сельской жизни.

Сюэцзяо родилась на севере, в провинции Хэйлунцзян, там живут ее родители. Она приезжает к ним на два-три месяца поработать в селе неподалеку от уездного городка («Небольшой городок, — говорит Сюэцзяо, — всего триста тысяч»).

Проезжаем кукурузное поле, маленькие домики. Спрашиваю: это село или деревня? Сюэцзяо уточняет: а какая в России разница между селом и деревней? Говорю, что в деревне ничего нет, даже, бывает, магазина. А в селе были церковь и школа. «А в Китае, — говорит Сюэцзяо, — в каждой деревне раньше была школа». Сейчас, как и у нас, не в каждой.

Инь Сюэцзяо — тонкая, как тростинка, учит меня китайскому. «Дафу, — говорит, — счастье». Ей тридцать лет, боится не выйти замуж. «Почему?» Улыбается: «Уже поздно»¹. Я говорю, что моя старшая дочка вышла в тридцать восемь, и теперь у меня есть внучка в Италии. «Дуй-дуй», — кивает Сюэцзяо, думая о своем. Это Китай. Ее молодому человеку тридцать два года. Он учится в Шанхае в нефтяном институте и приезжает к ней на скоростном поезде, 300 км в час, шесть часов в пути. Его родители очень хотят, чтобы он женился. У Сюэцзяо два брата. «В сельской семье больше детей, чем в городской?» — «Нет. Родители не хотят, нужно много сил, денег. Родители изменились, хотят, чтобы собственная жизнь была хорошая, качественная». — «А как же: чем больше детей, тем больше счастья?» — «Да, — смеется грустно она. — Так старые люди думают. Но их дети так уже не думают».

В поселке, мимо которого проезжаем, над одним из домов развевается красный флаг — что-то типа сельсовета. У железнодорожного полотна — защитная полоса, за ней зелено-жухлое кукурузное поле, дальше — желтое рисовое, а на пригорке крутятся ветряки. «Черная земля», — говорит Сюэцзяо, имея в виду — богатая. К полям проведены каналы, наполненные водой. В детстве Сюэцзяо поля были изрезаны канавками, ее бабушка и дедушка, стоя по колена в воде, собирали рис вручную. Сейчас — машины.

«У нас в уезде кукурузы мало, в основном рис». — «Когда его собирают?» — «В начале октября. На севере, — говорит она, — один урожай, а на юге — несколько. Поэтому на севере очень вкусный рис, а на юге не очень».

Останавливаемся на станции — один из уездных городов провинции Цилинь. Очень большие красивые дома, башни-замки. Богатый город. «Здесь нефть, — объясняет Сюэцзяо, — поэтому такой богатый».

А у нас, в золотодобывающем Алдане, на юге Якутии, до сих пор бараки и развалюхи. Может, поэтому мы не Европа и не Китай?

---

¹ Когда я заканчивал книгу, Сюэцзяо прислала мне чудесные снимки со своей свадьбы — с радостью ее поздравляю.

Лесополоса из плакучих ив и тополей. За ней посреди желтого рисового поля — маленькие машины-качалки качают нефть, оставляя после себя аккуратные земляные квадратики.

Из окна поезда коммунистического Китая не видно пагод, монастырей (компартия религию не одобряет), но духовность, гармония сохраняются. Китай разный. Самый богатый — на юго-востоке. На западе самые бедные провинции, а посередине — не богатые и не бедные...

За окном, на краю поселка пасется скот — коровы, овцы. Поселок — одна сплошная улица серых одноэтажных домов. Сюэцзяо показывает на смартфон: сегодня 18 сентября, в этот день в 1931 году Япония напала на Китай. Теперь в этот день все китайцы, ровно в 9 часов 18 минут дают длинный звонок. «Гудок?» — «Да-да, гудок, в память о войне...»

По меняющемуся пейзажу видно, что мы все дальше углубляемся в сельскую местность. Среди подсолнечного поля — избушка. Пустая, похоже. «В этом году много дождей, урожай не очень, — поясняет Сюэцзяо. — Поэтому люди уходят в город искать работу».

Для меня загадка, как китайской деревне (земля, пригодная для сельскохозяйственной деятельности, занимает всего тридцать процентов территории Китая, остальное — горы) удастся прокормить один миллиард триста пятьдесят миллионов «человеко-ртов»¹. И при этом еще умудряться экспортировать сельхозпродукцию!

Вопрос не для Сюэцзяо. Но кое-что известно и ей.

Хорошие машины. Трудолюбивые люди. Правительство, которое не бьет по рукам. Приличные государственные субсидии. Кредитно-налоговые меры стимулируют перелив капитала в приоритетные отрасли...

Никакого секрета, все это нам хорошо известно. Но разница между словом и делом в России и Китае — громадная. А процессы похожи.

«...Молодежь хочет в город, думает, там хорошо», — рассказывает про китайскую жизнь Сюэцзяо.

Снимать квартиру в Китае очень дорого. Обычный заработок, рассказывает она, 2000 юаней, а самая дешевая квартира — 500 (как и в Москве, у приезжих на жилье уходит четверть дохода). В хорошем месте квартира людям не по карману, снимают в подвале. Работу в городе найти можно — в магазине, больнице, на заводе. Или помогать старому человеку — для этого не нужен высокий уровень образования. «В Харбине, — говорит, — можно заработать 1500 юаней, убирая мусор на улицах, убирая квартиру...»

Никто, в общем, не голодает. Прожить вполне можно, если детей нет или есть только один. Но — счастье?..

Конечно, не Голландия, не Швейцария. Огромная страна с контрастами между городом и селом, столицей и провинцией. Но все же...

Проект «Надежда» обретает все большую силу и реальность. До 80-х годов бедные уезды в Китае представляли собой одновременно зоны неграмотности. Из 170 миллионов неграмотных 150 миллионов составляла сельская беднота, прежде всего женщины среднего и пожилого возраста. Треть из них вообще никогда не ходили в школу. Остальные в 50-х годах посещали курсы ликбеза, но все забыли. Была поставлена цель: к 2010 году ликвидировать неграмотность среди сельской молодежи и людей среднего возраста. Добиться того, чтобы в каждой нуждающейся семье хотя бы один человек смог заниматься подсобными промыслами или трудиться в сельской индустрии (на так называемых волостно-поселковых предприятиях).

Не менее важно было посадить за парты сельскую детвору, которой порой приходилось бросать школу из-за материальных трудностей (особенно большой отсев был среди девочек).

¹ Термин востоковеда, журналиста-международника В.Овчинникова.

На решение этих проблем и была направлена «Надежда» — стартовавшая в 90-х в Китае благотворительная программа финансирования и поддержки сельской школы за счет добровольных пожертвований и помощи городских школ и горожан. На призыв откликнулось более ста миллионов жителей городов, тысячи заводских коллективов, сотни иностранных предпринимателей, ведущих дела в Китае. Проект «Надежда» вернул за парты около трех миллионов крестьянских детей, позволил открыть в бедных уездах свыше трех тысяч новых школ и столько же отремонтировать, оказать материальную помощь энтузиастам-учителям, добровольно отправившимся в сельскую глубинку. Огромный успех проекта был тесно связан с его четкой адресностью. Каждый спонсор точно знал, куда и кому поступали его деньги. Пожертвовав сто долларов, можно было вернуть за парту подростка из бедной семьи. За тысячу долларов — год содержать учителя или укомплектовать библиотеку в сельской школе. Немалое значение имело своеобразное «шефство» университетов и продвинутых городских школ процветающих приморских провинций над сельскими школами бедных уездов центрального и западного Китая. Многие тысячи сильных школьных директоров и учителей поехали помогать сельским школам. Это была не односторонняя помощь и наставничество, но активный обмен опытом. В программе приняли участие и городские ученики, причем, по словам очевидцев, трудно сказать, кому встречи с новыми друзьями принесли больше пользы. Из таких поездок в село городские дети приезжали повзрослевшими, на многое начинали смотреть иначе. По мнению исследователей, проект «Надежда» не только дал социально-экономический эффект, но помог возродить дух социальной солидарности, необыкновенно важный, особенно в условиях кризисной ситуации в стране.

По поезду проходит проводник, выкрикивая название станции: «Байчэн! Байчэн!». Можно перевести как «Белый город», а можно как «Зря сделали».

«У нас много таких двусмысленностей, — говорит мне Сюэцзяо. И улыбнувшись, добавляет: — Шутка».

В уездном городке

В Байчэне — по-нашему, райцентре (дай бог когда-нибудь нам иметь такие хотя бы губернские города) — современная архитектура, современные дома, разве что с меньшим количеством этажей, стильные отели с тихой музыкой. Только меньше машин на улицах и больше мотоциклов, управляемых преимущественно женщинами, велосипедов и мопедов с маленькими фургончиками. В Байчэне 18 тысяч населения, а во всем уезде Чжэньлай — около двухсот тысяч. Нас встретили сотрудники института повышения квалификации учителей (немногословный замдиректора с тонкой сигаретой был весьма импозантен) и директор поселковой школы. Нам предстояло посмотреть разные школы и сообщества в уездном городе, поселке и деревне, а также поселения проживающих в Китае меньшинств.

Ланч проходил в ресторанчике. На круглом столе — куча блюд. Из закусок запомнились «чжупидун» — холодная свиная кожа и «лю жо цзяоци» — пельмени с ослиатиной. Часть еды разогревалась прямо на столе, в огромной кастрюле и на сковороде, под которыми шипело что-то вроде примуса. Хороша была также фаршированная капустой рыба в сладком соусе, на приготовление которой уходит не меньше шести часов.

В Китае быстры в инновациях, но неторопливы в традиции. После обеда Китай спит, как это было в Московии XV века.

В каждом уездном городе есть профессиональное училище. Здешнее появилось в начале этого века. Основные специальности: ремонтники техники, воспитатели детского сада и экономисты. Сочетание довольно интересное: с одной стороны, показывает запросы конкретного уезда, а с другой — как бы уравнивает экономику и

человека. В этой системе человек, может быть, не выше экономики, но и не ниже. И это воспитывается с раннего детства.

Ученик учится и работает — получает среднее и профессиональное образование одновременно, и когда окончательно становится работником в мастерской, здесь же повышает квалификацию. То есть ПТУ превратилось в учебно-производственный комплекс, элемент системы непрерывного образования. Идея не новая и у нас высказываемая, но тут реализованная.

Выпускники училища могут в восемнадцать лет получить права, пойти работать на завод (с ним у училища договор) или в среднюю школу, если не доучился, или в университет.

Соотношение теории и практики — 2:1. А соотношение преподавателей и студентов примерно 1:3 (78 педагогов на двести студентов). То есть обучение довольно дорогое, но, видимо, того стоит. Если дети из крестьянских семей, а таких в училище половина, государство платит стипендию — две-три тысячи юаней (примерно четыреста-пятьсот долларов). Бюджет складывается из государственного (в большей мере) и местного.

Поступить в училище может каждый, было бы желание. Про материальную базу китайского ПТУ говорить долго не буду — потрясающие своими размерами ангары, новые станки с цифровым управлением; оборудование только одного ангара обошлось в пять миллионов юаней. Справедливости ради: учебно-материальная база наших ПТУ китайской не уступала, но, как известно, испарилась вместе с училищами. Теперь чешут репу — как бы восстановить...

Но и из китайского ПТУ и уездного города молодежь уходит. Тому, по мнению преподавателей, есть причины. Дети хотят выбирать, а выбирать тут особенно не из чего. Урбанизация уезда растет не так быстро и отстает от потребностей молодежи. Конечно, говорит руководитель училища, они могут стать командирами производства, но командиров много не требуется — в основном, квалифицированные рабочие.

Возвращаемся уже в темноте в гостиницу под «Ой, рябина кудрявая...» — из магнитофона оперный голос поет по-китайски. Тут, далеко-далеко, воспринимается эта песня не как в России, без всякого раздражения, и даже со щемлящим чувством родины.

Едем в поселок

С утра все чаще встречаются мотоциклы, велосипеды, фургончики на колесах, которые крутит глава семейства, а в фургончике — домочадцы. Женщины на мопедах. Иногда трактор проедет с прицепом, груженный зеленым луком или арбузами. За рулем этой малой механизации сидит человек с маской до глаз — то ли от пыли, то ли от плохой экологии. На окраине города пройдет то стадо овец, то гуси-утки, важно хлопая крыльями.

Мужчины в нашей машине курят длинные тонкие сигареты. Водитель с кем-то громко переговаривается (в ушах микрофон, соединенный со смартфоном, закрепленным на ветровом стекле).

По обе стороны дороги — широкие поля кукурузы и подсолнечника, на краю поля пастух с собакой пасет стадо. Кукуруза обычно вырастает выше взрослого человека, но сейчас местами — с ребенка: дождей много было.

К поселку ведет ровная шоссейная дорога, без колдобин и заплат. В стороне — зерноток, комбикормовая башня, фермы крепкие, не разваленные.

Вдруг поля кончаются. «Это серая земля, — поясняет Сюэцзяо, — тут ничего не растет». Солонцово-солончаковая зона, показывает она русский перевод на смартфоне,

да и в натуре видно — земля белая местами: соль выходит на поверхность лужами. Я еще не понимаю смысла этой серой земли...

Параллельно шоссе идет товарняк с цистернами нефти для Маньчжоули — Внутренней Монголии. По правую руку — солончаки, по левую — цистерны с нефтью. А за рельсами снова — желтые рисовые и серо-зеленые кукурузные поля.

Проезжаем китайских гаишников — никакого к нам внимания, смотрят в другую сторону. Наш водитель им погудел, чтобы обернулись, — поприветствовал. И пошла дорога: поселки, бензоколонки, кукурузные поля, ремонтные мастерские, магазины, рынки, дома, в основном одноэтажные, с черепичными крышами и печными трубами. «Поселок?» — спрашиваю. — «Да-да, — кивает Сюэцзяо. — Он называется Танту — Счастливый путь».

Сворачиваем в сторону и едем по проселочной дороге, тоже хорошей — в этой части Китая не видно плохих дорог, — обсаженной тополями. Они отгораживают рисовые поля с подпочвенным орошением.

Водитель, видимо, для меня, включает русские песни, одна бьет в голову: «Что ты продаешь, девочка распутная...» Китайцы вряд ли понимают слова. Но за этой распутной девочкой непременно — «Катюша» и «Подмосковные вечера» в исполнении растягивающего мелодию оперного баритона.

Наконец добрались до места. Ночевали в поселковой гостинице, в сравнении с уездным и губернским отелями существенно более скромной. Ржавчина в душе и таракан, выползший из трубы.

Но в номере развешаны елочные украшения и воздушные шары. К одному приклеено сердечко.

Проснулся в четыре утра. Хрипло перекрикивались петухи. Горели звезды. Пахло деревней. Да мы и были в большой деревне — что-то вроде нашего поселка городского типа, только в десять-двадцать раз больше — чаще всего от 80 до 140 тысяч населения. Такие поселки бурно растут и считаются в Китае флагманом урбанизации.

Я вышел на улицу. Около магазинов, ремонтных мастерских, гаражей — мусор, искореженное железо, в общем — свалка. Подъехала машина, вышли двое в оранжевых жилетах, один с метлой, другой с лопатой; через полчаса — убранная, чистая улица...

Перед нашей гостиницей домик с курятником. За ним — заросли кукурузы и рисовое поле. Крыши домов из шифера. Как у нас. Да и название поселка «Пинчирукой» можно перевести — «Будьте как дома».

Гром ученического оркестра радостно приветствовал наше появление. Я разглядел стоящие под навесом велосипеды и мотоциклы, на которых приезжают ученики. И пять оранжевых школьных автобусов, привозящих детей из окрестных деревень.

В поселке 10 000 человек. Треть населения — пенсионеры, десять процентов — молодежь, половина — трудоспособное население. Всего в округе, вместе с деревнями, 20 000 жителей.

В поселковой школе вместе с детсадом 800 детей. Работает в режиме полного дня, для детей из отдаленных деревень — интернат. Школа основная, девятилетняя, начальные — в деревнях.

Школьное здание считается новым (шестидесятого года), но есть и более старое. Построили сами учителя и дети. От труда их не отгораживают. Нынешний директор — учитель математики с тридцатипятилетним стажем. До него директором был импозантный человек с тонкой сигаретой, привезший нас сюда руководитель института усовершенствования учителей. Разные люди...

Осматриваем школьную территорию. Место, где зимой заливают каток. Уголок,

где дети играют. По утрам они тут часто поют и читают стихи. И просто наблюдают природу, описывают происходящее.

Тут вот выращивают рис («В этом году, — поясняют мне, — сильный ветер, дождь, рис наклонился, падает»). Там вон разводят сад. Трудясь, узнают, что, как и когда сажать, и выращивают много разных видов овощей, растений, цветов. Сад на территории школы называется «Садом многих цветов», и у каждого класса свой участок.

Территория школы — десять тысяч квадратных метров, включая сад, столовую и общежитие для учителей (по четыре человека в комнате). В столовой за один раз усаживаются четыреста учеников. Во дворе за стенкой — живые кролики, индюки, гуси (дети кормят их сами), дикие утки, пруд с рыбой, которую приходят ловить местные жители, и черная черепаха тут живет, и рыба «каяц».

Беседка, сад, длинная аллея с фотографиями родителей. «Это наша традиция, — поясняет Сюэцзяо, — дети очень уважают своих родителей. Раньше, если родитель умирал, взрослые дети три года не работали — только по дому. Думали о родителях».

О системе обучения — в этой школе и других.

Детей учат с раннего возраста в семье. Когда ребенок приходит в школу, он уже умеет читать, считать и немножко писать иероглифы.

В начальной школе изучают китайский язык и математику. С третьего класса — иностранные языки (раньше был японский). С седьмого — физику, с восьмого — химию. Историю, китайскую и мировую, как и географию, — тоже с седьмого класса. Но после окончания девятилетней школы очень немногие здесь остаются. Некоторые идут в уездное училище. А большая часть учеников переходит в школу высшей ступени, потом в институт и уезжает из села.

Школа с садом, прудом, парком школьных автобусов и восемьюстами учениками — таких у нас в селах нет. А это, сказал директор, не самая большая по базе и количеству учеников — обычная.

После ужина танцы

Из поселка едем в деревню Чаоань, что означает «найти себе работу».

Чего-чего, а деревенской тишины здесь не было и в помине. Нас встретили сумасшедший гром оркестра и куча народу, все разодеты в пестрые наряды — преимущественно женщины с лентами, палками и мячами. Все двигались в танце под ритмичную музыку стройными рядами.

На представление, устроенное в нашу честь, а больше на нас, усаженных на почетные места за столом, с интересом смотрели собравшиеся из этой и других деревень (некоторые приехали за 30—50 км) жители, от младенцев до глубоких беззубых стариков и старух, опиравшихся на палки.

Самое удивительное — это не было «показухой». Как выяснилось, в окрестных деревнях существуют самоорганизующиеся группы людей, которые каждый день, в любую погоду выходят после ужина на деревенскую площадь и... танцуют. Даже бабушки и дедушки. Женщины и мужчины в расцвете сил, молодежь приходят после работы усталые, поужинают — и идут танцевать. «Вроде смены рода деятельности?» — «Да-да», — подтверждает Сюэцзяо.

Гром барабана, взвизгивание дудки — «дунбэй даянгэ», традиции триста лет. Зеленые, синие, красные, расшитые золотом костюмы — все сделано самими танцорами. Перед колоннами марширует с жезлом направляющая. На флаге название группы и деревни. В некоторых деревнях несколько танцевальных групп.

Когда танец заканчивается, женщины уходят переодеться, а их сменяют представители других групп. Сидевший рядом со мной «начальник деревни» (в переводе Сюэцзяо), по-нашему — председатель сельсовета, поясняет, что такой

праздник отмечается каждый год, и пятнадцать деревень собираются вместе. В каждой семье есть компьютер, танцевальные группы общаются через интернет.

В группе из деревни Чаоант самой младшей танцовщице семнадцать, самой старшей — шестьдесят шесть лет.

Танцуют и под современные ритмы. На женщинах черные майки с красными звездами на груди. Красные сапоги и пилотки. Черные колготки. Белые перчатки. Короткие красные юбочки. Выглядят очень сексуально.

Самая молодая группа — школьно-молодежная. Впереди колонны — спортивного вида стройная молодая учительница в черном, остальные в красном, на всех желтые кеды, двигаются, танцуют под монгольскую мелодию.

Никаких клубов (в смысле помещений) нет. Просто люди, которые сами организовались.

Трудно найти жену?

Школа в деревне Чаоант — длинная, одноэтажная, напоминает колхозную ферму. В этой начальной шестилетней школе 21 ученик и 15 учителей. Директора зовут Ли Юэхай — «красивое море».

По моей просьбе в классе собрали родителей. Молодые женщины и мужчины. По-английски никто не говорит.

— Вы кончали эту школу?

— Да.

— Где работаете?

Дальше буду пересказывать своими словами.

Сейчас родители трудятся в разных местах, а до этого работали на рисовых полях.

Десять лет назад появились уборочные машины.

— Где учились выращивать рис?

— Нигде, сами. Родители помогали, учили.

— Сколько детей в семье?

Один-два. У этой, например, мамы мальчик и девочка.

— Дети помогают вам в работе?

Мало. Дети не хотят в работе родителей участвовать. И родители этого не хотят.

Симпатичные, современно одетые, модные такие родители.

— Как же тогда дети научатся?

Одна молодая мама сказала, что в школе будут учить. Она тоже дома этому не училась. Родители надеются: если у детей будет больше времени, они получат хорошее образование.

— А потом уедут?

Оживление в классе, родители переговариваются.

— Они надеются, — сообщает мне итоги обсуждения Сюэцзяо, — что дети, как птицы свободные, полетят. Из их класса никто не остался в селе.

— Но вы же остались? — обращаюсь к родителям. Они смеются.

— Уже остались...

В результате приходим к выводу: нужно какое-то время, чтобы уехавшие в город стали возвращаться.

— Чего в деревне не хватает, чтобы остаться?

Ответ, казалось бы, ясен — хорошей работы, производства. На севере, поясняют мне, хорошая земля, высокие цены на рис, можно зарабатывать на этом и другого не надо. А на юге земля не очень хорошая. Поэтому там заводы, фабрики создают, появляются разные профессии.

Получается, думаю про себя, лучше всего инновации идут там, где терять нечего или где высокий уровень конкуренции. А там, где не очень высокий, потребности в инновациях не возникает.

Меняем тему.

— Трудно в деревне найти мужа, жену?

Женщины смеются.

— Легко... У нас мальчиков больше в деревне. Вот молодому человеку трудно найти женщину.

Молодые семьи живут отдельно от родителей. Но бабушки и дедушки помогают, если позволяет здоровье. Бабушкам и дедушкам в среднем по шестьдесят лет. Мамам и папам — около тридцати.

Все же в будущем, как вы думаете, спросил я молодых родителей, останутся ваши дети в деревне или нет?

Одна молодая женщина сказала: они надеются, что у их детей будет много возможностей. Можно остаться в деревне, можно уехать в город. Лишь бы жизнь была хорошей, качественной.

Шеф китайской деревни

Люди полют рис,
А солнце их палит.
Падают на стебли
Капли пота,
Каждое зерно
Посеял кто-то...¹

На рассвете, когда поднимается «ли хун» — солнце, желтое-желтое поле видно далеко, до холмов. Рисовые стебли доходят до колен и разделяется узкими канавками, в это время, незадолго до сбора урожая, — сухими, по ним можно далеко уйти по полю. Много шагов надо сделать, прежде чем рис станет рисом. Сейчас машины, но все равно жизнь осталась деревенской.

Я спросил здешнего «председателя сельсовета», который сидел в современном кабинете, в комфортабельном здании, за столом с компьютером: «Вас выбирают или назначают?»

Конечно, его выбирают — крестьяне. Нужно набрать две трети голосов при закрытом голосовании. На этом месте он работает уже пятнадцать лет. Отвечает за село и две деревни.

В чем состоит его ответственность? Электричеством, освещением занимаются фирмы. Теплом — сами крестьяне и специалисты. Дорогами — государство. Медициной — фельдшерский пункт. Если заболел — семьдесят процентов лечения оплачивает государство, остальное сам.

Из чего формируется бюджет? Все просто: крестьяне платят налоги. Государство председателю не дает ни копейки, только крестьяне. «И сколько набирается?» — «Сто тысяч юаней». В переводе на рубли примерно 890 тысяч на три населенных пункта. На что они тратятся, помимо зарплаты аппарата?

На посадку деревьев. Уборку сел. Ремонт техники. Чистку канала, из которого поступает вода на рисовые поля.

Рядом с председателем сельсовета сидит директор школы, и я интересуюсь, зачем ему председатель, какая между ними связь. Сюэцзяо выясняет и радостно сообщает: они друзья. «А как он поддерживает деревенскую школу?» Мне говорят: купил одежду детям на праздник, сделал им подарки. В этом году построил библиотеку и передал две тысячи книг!

Все это — от крестьян. Остальное — от богатых людей.

¹ Роман «Путешествие на Запад». Глава.81.

Пытался по привычке путешественника по Сибири встретиться с шаманом. Мне объяснили, что в Китае их нет, правительство не разрешает шаманить. Тогда я переметнулся к представителям народной медицины с их травами и иголками. Мне сказали, что они в городе, а в селе неквалифицированные. Чтобы этим заниматься, нужно иметь свидетельство о квалификации.

Бедные алтайские, хакасские, бурятские, якутские шаманы — в Китае они бы не выжили...

Яо, мяо, эвенки и русские

Едем на северо-запад, в монгольскую деревню. Она находится неподалеку от Внутренней Монголии — автономного района на севере Китая. Называется Гашигин Цъуин («вся наша семья»). «Семья» знакомая — при въезде традиционные ленточки на деревьях, как у алтайцев, бурятов, якутов. Село, видно по домам, обихожное, крепкое, с достойным уровнем жизни.

Здесь живет меньшинство. Но меньшинство — лакмусовая бумажка, по которой можно судить о большинстве.

Видимо, предположил я, маленький народ, живущий внутри большого, в большей мере стремится сохранить свою уникальность?

У Чжихуэй пожал плечами. В Китае, сказал он, есть местность, очень закрытая, там живет одно национальное меньшинство. Когда они были там с экспедицией, то обнаружили, что жители ничего не знают о переменах и думают, что в стране до сих пор правит Мао Цзэдун. «Ситуация с культурой меньшинств иная, чем вы рассказываете, — сказали китайские специалисты. — Население меньшинств начинает работать на туризм, фольклоризируется».

Но это не означает, что меньшинства исчезают. В Китае сегодня пятьдесят с лишним национальностей. Кроме ханьцев (в число которых входят даже ханьские евреи и индонезийцы) — все остальные считаются меньшинствами: малознакомые нам хуэй, яо, мяо и хорошо знакомые — монголы, калмыки, эвенки, русские (последних в Китае в два раза меньше, чем эвенков).

Перед въездом в национальный монгольский поселок — статуя воина на коне. Хотя с равным правом можно было бы поставить учителя. Его олицетворяет живший за четыре столетия до Яна Амоса Коменского внук Чингисхана, монгол, император Китая Хубилай. В Китае тогда десять процентов жителей говорили на одном языке, остальные — на многих. Не было и речи о едином Китае, жители которого вели постоянные междоусобные войны.

Хубилай временно отказался от иероглифики, которую трудно было освоить простым крестьянам. Разработал на основе тибетского языка алфавит (имевший 50 знаков) и начал обучать народ. В 1269 году была открыта первая школа для простолюдинов (всего за время правления Хубилая таких школ, как свидетельствуют хроники, возникло 20166). В 1273 году был основан университет, который существует до сих пор, — Пекинский.

Считается, что этими мерами Хубилай объединил Китай и завоевал его не войной, как дед, а образованием.

На территории школы маленькое поле и небольшая юрта — «монголькыр». В школе учится двести восемь детей, половина учителей — монголы.

Нас встретила учительница Лян Лихуа. Симпатичная, искренняя. Пять лет назад директор школы Шао Ю-Тин попросил прислать преподавательницу из Внутренней Монголии. Она по-китайски не говорила, но выучилась. Хорошо знает традиции и культуру родного народа, учит детей монгольскому...

В коридорах школы на подставках, стендах — традиционные монгольские игры

и игрушки, письменность в соотнесении с китайской¹. Скачки, борьба, стрельба из лука. Национальная одежда. Национальные праздники. На фотографии: степь, юрты, женщины и мужчины собрались вокруг огня. Фигурки для игры в кости — конь, верблюд, корова, овца — животные степняков-кочевников.

Шахматы. Музыкальные инструменты, древний «меринхор» с двумя струнами. Традиционный танец «анди». Дети изучают все это.

Беседовал с восьмиклассниками. Из школьных предметов нравятся история, математика, китайский. Трое из класса умеют скакать на лошади и бороться. Из лука никто не стреляет. Больше половины класса — китайские дети, изучают китайский язык. Монгольские дети — китайский и монгольский. «Дома говорите по-монгольски?» — «С бабушкой и дедушкой, а с папой и мамой — по-китайски».

На третьем этаже школы прочел: «Если у вас есть сила, вы герой однажды. Если у вас есть ум — вы герой всегда». Спрашиваю сопровождающую меня учительницу Лян Лихуа: «Ваша школа — уникальная или еще такие есть?» Отвечает честно: «Уникальная».

«У нас, — вспомнил слова директора института сельской школы, — малые этносы растворяются в культурном и прочих смыслах».

Культура в прошлом

Едем по шоссе. Какая-то птица, как на старинной китайской гравюре, — черная с белым, — вспорхнула с рисового поля на ограждение. Китайская культура, сельский уклад, традиции уходят под напором ускоряющейся урбанизации. Редкие, вспорхнувшие картинки-мгновения...

Народного мастера, чуть ли не единственного в уезде, не нашли, уехал, говорят, в город. Получается, что архаики в Китае (на северо-востоке, во всяком случае) уже фактически нет. История, национальная культура остались на очень глубоком уровне, в подсознании.

Формула прогресса, социокультурной модернизации («общецивилизационные качественные преобразования на национальной основе»), которую я когда-то вывел, опираясь на опыт Японии, «молодых драконов» Юго-Восточной Азии и некоторых наших регионов, здесь, в Китае, вызывает сомнение. Архаики в России, особенно в Якутии, Бурятии или Хакасии, гораздо больше, чем здесь.

Но ведь не может не быть в Китае народных мастеров. Тут принято, например, наклеивать на окна, двери и стены красивые вырезки из бумаги, что создает радостную атмосферу. Существует даже Международное общество бумажной вырезки. Произведения известной потомственной мастерицы Ли Фэнъин экспортируют в Россию, Швейцарию, Японию, Соединенные Штаты. В уезде Цзиньбянь мастерица учит народному искусству всех желающих, и дети, чуть повзрослев, даже зарабатывают на своих изделиях.

Не знаю, можно ли отнести к народным мастерам людей, обладающих искусством каллиграфии. Оно известно в Китае с древних времен, ценится и сегодня. Некоторых художников, работающих в традиционной манере го-хуа, как на старинных китайских рисунках, тоже можно считать народными мастерами. Где-то они есть в Китае, в гуще культуры, народные мастера.

Надо искать.

И нашли! Мастера. Точней, мастерицу, хозяйку небольшой фабрики по изготовлению плетеных ивовых корзин. Фабрика представляет собой несколько небольших помещений, в которых хранятся ивовые прутья и изделия на любой вкус.

¹ В отличие от Монголии, где используется кириллица (русский алфавит плюс две дополнительные буквы), в монгольских поселках и во внутренней Монголии Китая используется дошедшее до наших дней старомонгольское письмо, вертикальное — буквы пишутся слева направо и сверху вниз. *Википедия. Монгольские письменности.*

Плетут корзины сама хозяйка и ее работники. Имя у хозяйки даже для Китая необыкновенное — Тео Джопила, что означает «Солнце многознания». Она с семнадцати лет делает такие корзинки. У папы, говорит, хорошие руки, он настоящий мастер. И дедушка тоже был. И бабушка чуть-чуть. А ваша дочь? Нет, не умеет, она работает в другом городе, в больнице. «А внуки?» — «Дочь пока не вышла замуж».

Джопила плетет корзинку из светлых ивовых прутьев, корзинка получается свежая, солнечная. Есть свои секреты: где и когда срезать прутья, как заливать водой, варить — до тех пор, пока мягкими не становятся, высушивать, и потом можно использовать круглый год.

«Сколько у вас работников?» — Здесь, на фабрике, двадцать человек. Еще восемьдесят в деревне. Вообще, в уезде две такие фабрики, как у нее, раньше было больше.

«Как отбираете работников?»

Джопила вопросительно смотрит на меня.

«Ну, как решаете, этого стоит взять, а того нет?..»

Рассказывает: обычно это крестьянка или крестьянин из села, где нет работы, уехали в город. И чуть-чуть умеют плести. Тогда она их учит дальше. Но чуть-чуть.

Эти корзины приносят китайской экономике прибыль. Их через интернет приобретают в Америке, в Германии...

«Сколько человек в Китае умеют это делать?» — спрашиваю Джопилу. Здесь, на северо-востоке, отвечает, очень мало. «В школах не учат?» — «Раньше учили, сейчас нет». Она сама иногда проводит курсы для взрослых и для детей.

Они есть, мастера, думаю я. Просто их найти трудно. Но если постараться, можно. Хорошо бы, как у нас в Якутии, создать ассоциацию народных мастеров и соединить со школой, образованием. Чтобы возникли новые рабочие места, выросла социальная инфраструктура, и молодежь оставалась в селе. Сейчас, когда китайское государство снова поворачивается к селу (глядишь, дождемся и в нашем), это мог бы быть комплексный проект развития сельских поселков. Средств на это нужно — в сравнении с миллиардными мега-проектами — мизер. Почему бы не попробовать?

Белые журавли на серой земле

Едем на серые земли, куда прилетают белые журавли с Байкала. Говорят, тут особенно вкусные для них растения, и журавли остаются на месяц. Отсюда перелетают на юг Китая, на озеро Блэйянху, и замыкают кольцо, возвращаясь на родину. В октябре прилетают, в марте возвращаются.

Зачем белым журавлям серая земля, понятно. А зачем людям эта земля, на которой ничего не растет? Тем не менее, чтобы сохранить эту серую землю, китайское правительство вложило более миллиарда юаней. Не только же из-за белых журавлей? Оказывается, раньше, когда была нехватка воды, из этих мест, из реки Нэньцзян и озер, брали воду для выращивания риса в нескольких провинциях, и чтобы подводить ее к рисовым полям, нужно было эту серую землю сохранять нетронутой.

Добираемся до национального парка «Мымькла» — несколько километров от Внутренней Монголии. Идем вдоль озера, оно все в лотосах, но цветов уже нет, отцвели.

По телефону знакомый учитель местной школы сообщил нашему водителю место в национальном парке, куда прилетают обычно белые журавли. Мы нашли его. На озере их еще не было, но в вольерах было много журавлей, белых и серых, с черными хвостами и красными головками. Некоторые, прилетевшие в прошлом году, были больны, получили травмы, их выхаживали. Другие родились здесь и были еще слабы, чтобы улететь, мам-журавушек и деток-журавлят надо было кормить, адаптировать к природе и... научить летать, — сказал работник национального парка.

«А кто же учит журавлят летать?» — спросил я. Он удивился: «Люди. У нас есть для этого специалисты. Лечат, растят, учат летать».

Белые журавли в Китае означают счастье. Если достиг успеха, говорят: «Журавль прилетел». А если прилетел — будет счастье.

Не надо бояться

На окраине Байчэна, там, где заканчиваются многоэтажки, появились теплицы. В одну мы заехали: хозяйка с семьей здесь выращивает виноград. Крупный, сладкий, многие предпочитают его магазинному.

Хозяйка, Ли Юфей, родом из села. Окончила среднюю школу, переехала, как многие, в город, но судьбу построила по-другому. Оценила рынок. Купила землю на окраине города, поставила с родственниками теплицы — шесть тысяч квадратных метров — посадила саженцы в удобренную землю. И оказалась семья как бы в городе, но в деревне.

Много таких? — спрашиваю хозяйку. Очень много. Сажают огурцы, помидоры, «дадоу» — бобы, они хорошо идут с мясом, фрукты, виноград...

Ее виноград продают в городских магазинах, она с ними сотрудничает. Но многие люди предпочитают сами приехать сюда, собрать виноград и оплатить.

Кажется, будто это то же самое, что открыть кафе, парикмахерскую, магазин. Но магазин можно закрыть, открыть новый, а землю же не закроешь.

«Есть ли специальная служба, которая оценивает рынок, спрос в этом городе и дает совет — что стоит выращивать, сколько?» Нет, отвечает хозяйка, такой службы. Но в Байчэне сто восемьдесят тысяч жителей, а таких хозяйств не так много. Не надо бояться.

Из ютуба: Музыка сама все объяснит.

Знаменитый композитор Тан Дун — родом из деревни Хунань, ранее известной тем, что в ней родился председатель Мао. Во времена культурной революции за Бетховена или Баха «человеку могли сделать так», — Тан Дун на экране изящно провел ребром ладони по шее.

В деревне, где рос мальчик, место Баха занимала «органическая музыка» — играли на камне и воде, это было соединение природы и магии. Когда культурная революция кончилась, Дун впервые услышал симфоническую музыку, и она потрясла его. Он решил стать композитором и поехал в город поступать в консерваторию. Пришел на собеседование. Экзаменатор удивился, увидев его «скрипку» в три струны. Его попросили сыграть Моцарта или Шуберта, он понятия не имел, кто это такие. На него посмотрели с сожалением и сказали: ну, сыграйте что можете.

А в комнате, где проходило собеседование, висела карта Китая. И Дун предложил: покажите на карте место, и я покажу, какую музыку там играют.

Экзаменатор, известный профессор, ткнул пальцем в одно место на карте, в другое, третье, и когда Дун продемонстрировал на своем трехструнном инструменте музыку этих мест, сказал: у вас большое будущее.

Дуна взяли в консерваторию. Он учился в разных местах, у разных учителей. В Германии, в Австрии осваивал фуги, долго прожил в Нью-Йорке, учась у классиков джаза и современной музыки. Ему нравился Нью-Йорк, город, где на одном пяточке сосуществуют разные культуры и свободно перебрасываются музыкальными фразами и интонациями. И он подумал: как бы соединить музыку западную и восточную, хроматическую и органическую. Соединил и стал великим композитором. Его знают во всем мире. Произведения Тан Дуна — современная классика, их исполняют самые знаменитые музыканты и дирижеры.

Ведущая телепередачи смотрит на худенького элегантного человека, широко открыв глаза. «Вот так вы открыли мир?» — спрашивает она. А он отвечает: «Не человек открывает мир, а мир открывает человека».

Это из древней китайской философии Дзэн.

«...Вся музыка, и восточная, и западная родилась в деревне, — говорит Дун. — Мы все оттуда. Сегодняшний глобальный мир — это глобальная деревня. А завтра, может, будет галактическая... Однажды, — продолжил Тан Дун, — я должен был услышать в исполнении оркестра свою новую симфонию, боялся, что она прозвучит как-то не так, и поделился своими опасениями с женой. “Бетховена уже нет, а его музыка звучит без него. Музыка сама все объяснит”, — сказала она».

Школа Дао

Действующие храмы в Китае есть, но их очень мало — в горах, в Тибете. Хуан Игэхан, совсем маленького роста девушка, сводила меня в бывший даоистский монастырь Уэн Мяо. Спасибо ей за маленькое путешествие. Оно сходно со значением иероглифа «Дао» — дорога, путь. Все в мире находится в пути, движении. Человек входит в него и постигает Дао, живет в согласии с миром.

Человек не должен бездействовать, но деятельность должна быть согласна с естественным ходом миропорядка. Всякое действие, противоречащее Дао, означает пустую трату сил, приводит к неудаче, гибели.

Три чудовищные собаки на крыше монастыря означают сон, древнюю мистику. Внутри — картины дворцовой жизни и жизни простолюдинов. Учителей и учеников. Большие, в два человеческих роста статуи знаменитых учеников Конфуция стоят у стены с двух сторон зала. Посередине — учитель. «Живи так, как хочешь ты, а не как ожидают от тебя другие. Неважно, оправдаешь ты их ожидания или нет, умирать ты будешь без них. И свои победы одержишь сам!»¹

---

¹ Конфуций. <https://socratify.net/quotes/konfutsii/249666>